

ИМЭМО ПОД УДАРОМ (1982 ГОД)

© 2004 г. П. Черкасов

ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ
АКАДЕМИКА Н.Н. ИНОЗЕМЦЕВА

В связи с переходом от политики разрядки к росту напряженности в международных отношениях, закономерно вставал вопрос: каковы степень влияния и само будущее просвещенных помощников и советников Генерального секретаря – Г.Э. Цуканова, А.М. Александрова-Агентова¹, Н.Н. Иноземцева, Г.А. Арбатова, А.Е. Бовина, В.В. Загладина, А.С. Черняева, Г.Х. Шахназарова, Н.В. Шишлина, С.А. Ситаряна и других? На рубеже 60–70-х годов они сыграли важную роль в том, чтобы склонить Брежнева во внешней политике – на путь разрядки с Западом, а во внутренней – смягчить пагубное влияние неосталинистов, требовавших ужесточения режима. Да и позднее им в отдельных случаях удавалось корректировать негативные тенденции во внешнеполитическом курсе СССР. И все же, либералы не смогли переломить эти тенденции, приведшие к краху разрядки на исходе 70-х. Следующий раунд борьбы “за душу” Брежнева остался за их противниками.

По всей видимости, прав академик Г. Арбатов, усматривая в обострившейся болезни Брежнева одну из главных причин победы “ястребов”. У больного генсека оставалось все меньше сил, чтобы спорить с наседавшим на него маршалом Д.Ф. Устиновым, влиятельным представителем военно-промышленных кругов². В союзе с военными на Брежнева давило и “идеологическое лобби”, призывавшее к “закручиванию гаек” внутри страны, и к всемерной поддержке, в том числе военной, – “мирового революционного движения”. Среди идеологов-ретроградов были секретари ЦК КПСС – П.Н. Демичев и сменивший его М.В. Зимя-

нин, близкий к Брежневу заведующий отделом науки и вузов ЦК С.П. Трапезников, заведующий отделом культуры В.Ф. Шауро, один из помощников генсека – В.А. Голиков, и, разумеется, Агитпроп – отдел пропаганды и агитации ЦК. Влиятельное “идеологическое лобби” возглавлял самый авторитетный член Политбюро Михаил Сулов. С военными и идеологами смыкались шеф КГБ Ю. Андропов³, а также такие консервативно настроенные члены Политбюро, как А.А. Громыко, Н.А. Тихонов и 1-й секретарь МГК КПСС В.М. Гришин.

Им давно не нравилось возросшее влияние на Генерального секретаря либеральных советников из “группы Иноземцева”⁴, которые писали для него доклады и выступления, имевшие в советской политической системе статус директивных установок. Возраставшее недовольство вызывала у них и сама практика непосредственного общения составителей этих документов с генсеком на его загородных дачах. Кто знает, что там “эти ревизионисты” внушают Леониду Ильичу?..⁵

³ Г.А. Арбатов вспоминает, что когда в 1982 г. он обратился к Андропову с просьбой поддержать идею о создании в центре Европы “безъядерного коридора” вдоль линии, разделяющей войска НАТО и ОВД, тот буквально замахал на него руками: “Ты что, хочешь, чтобы я из-за тебя ссорился с Устиновым?” (См.: *Арбатов Георгий*. Указ. соч. С. 301.)

⁴ Это название группы советников и экспертов (по фамилии ее руководителя), работавших на Генерального секретаря, возникло еще в начале 70-х годов. Его можно встретить и в воспоминаниях некоторых бывших членов высшего советского руководства, в частности М.С. Горбачева.

⁵ Надо признать, подобные опасения не были лишены оснований. Как вспоминает М.М. Максимова, вдова Н.Н. Иноземцева, именно на брежневской даче, во время совместной работы над очередным докладом, Иноземцев осторожно пытался склонить генсека к диалогу с академиком А.Д. Сахаровым. Он был убежден, что с Сахаровым можно договориться, что академик-правозащитник может снять какие-то вопросы, что в действительности он находится под сильным влиянием своей жены (Е. Боннэр), но что он человек разумный. Надо попытаться найти с ним контакт. Конфликт с Сахаровым, по мнению Иноземцева, во многом возник из-за того, что никто из представителей высшего руководства страны никогда с ним не говорил, не пытался его понять и переубедить. Все это было большой ошибкой. Иноземцев намекал Брежневу на необходимость принять Сахарова и поговорить с ним. “Или, может быть, кто-то по вашему поручению встретится с Сахаровым”, – добавил Иноземцев. Но Брежнев каким-то образом ушел от этой темы. Это был частный разговор в неофициальной обстановке на даче Брежнева. Николай, вспоминает Максимова, пытался вернуться к разговору на тему Сахарова, но безуспешно. (Запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.)

Продолжение. Начало см.: МЭМО №№ 4–7, 11–12 2002; 1–2, 7, 9–12 2003; 2–4, 5 2004.

¹ О степени просвещенности и прогрессивности этого бывшего дипломата, прослужившего помощником, помимо Брежнева, еще у трех генсеков – Андропова, Черненко и Горбачева – существуют противоположные мнения среди тех, кто был посвящен в тайны “кремлевской кухни”.

² “В последние годы пребывания у руководства Л.И. Брежнева на решения военных, по существу, некому было и жаловаться, – пишет Арбатов. – Отдельных руководителей Министерства обороны это совершенно испортило, разбаловало – они стали капризными, позволяли себе любую блажь”. (См.: *Арбатов Георгий*. Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 299–301.) Мнение Арбатова полностью разделяет Александр Бовин, другой советник Брежнева. (См.: Предисловие А. Бовина к книге: *Иноземцев Николай*. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С.8.)

Борьба ревнителей устоев с “вредным влиянием” на Брежнева велась по разным направлениям. Не гнушались даже оговоров и компромата, с помощью которых иногда удавалось добиваться удаления “от двора” некоторых советников из числа либералов. Интригами и оговорами удалось ослабить влияние Г.Э. Цуканова, прогрессивно мыслящего помощника Генерального секретаря, опиравшегося на “группу Иноземцева”.

С середины 70-х годов консерваторы из аппарата ЦК стали более активно и энергично вмешиваться в “творческий процесс” – в подготовку “высочайших” текстов – с нескрываемым намерением положить конец влиянию Иноземцева (и Арбатова) на Леонида Ильича. Отдел пропаганды настойчиво продвигал на роль “писателей” для Брежнева своих представителей, что не всегда приветствовалось самим генсеком, привыкшим работать только с хорошо знакомыми ему людьми⁶.

В.А. Печенев⁷, бывший помощник К.У. Черненко, работавший до того в отделе пропаганды и агитации ЦК, вспоминает один такой случай, когда его и А.И. Лукьянова (тогда – начальника секретариата Президиума ВС СССР) в первых числах января 1981 г. вызвали в Завидово для участия в редактировании проекта отчетного доклада Брежнева на XXVI съезде КПСС. На брежневской даче уже трудилась “группа Иноземцева”, и появление здесь же Печенева и Лукьянова неприятно удивило Брежнева.

Из воспоминаний В.А. Печенева:

« – Леонид Ильич! – несколько суетливо заговорил Александров. – Вот еще два наших товарища, готовивших социальный раздел. Ну, Анатолия Ивановича вы хорошо знаете. А это – Вадим Алексеевич Печенев, руководитель Группы консультантов из Агитпропа...»

Не знаю, хорошо ли Леонид Ильич знал Анатолия Ивановича, по его виду и выражению лица я этого как-то не заметил, но, глядя на нас, наш Генсек сумрачно и недовольно промолвил под ухмылки сидящего в хорошо отапливаемом Зимнем

саду основного состава своей команды: “Надеюсь, Андрей, ты больше никого к нам не привезешь?”

– Нет, нет, Леонид Ильич, – с готовностью откликнулся Андрей Михайлович, – больше никого!

– Ну, хорошо, – обронил наш Ильич, – слава Богу...»⁸.

О том, как составлялись “высочайшие” тексты, теперь хорошо известно из воспоминаний участников “завидовских посиделок” – Г.А. Арбатова, А.Е. Бовина, В.А. Печенева и др.

Еще со времен Ленина и Сталина время от времени практиковалась рассылка членам Политбюро проектов наиболее ответственных партийных документов (в том числе отчетных докладов и выступлений генсека на съездах и пленумах) для замечаний, уточнений и дополнений. После смещения Хрущева и утверждения у власти “коллективного руководства” в октябре 1964 г. такой порядок стал обязательным. Создавая впечатление коллективности руководства, он вместе с тем давал возможность наиболее консервативным членам Политбюро “редактировать” положения того или иного документа, которые представлялись им чрезмерно смелыми и тем более “опасными”. Иноземцев, Арбатов и другие советники Брежнева постоянно сталкивались с попытками отдельных членов Политбюро не допустить “крамолы” в выступлениях генсека, который, по мнению ретроградов, излишне доверял своим советникам.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

«Н.Н. Иноземцев был далек от иллюзий. С годами же все больше понимал тщетность многих своих усилий, связанных с попытками преодолеть косность, убогость, ограниченность представлений, с которыми жили, работали и правили государством на протяжении десятилетий наши руководители. Но по-другому он не мог.»

Помнится, придя домой после очередного редактирования (в который раз!) материалов к XXVI партсъезду, усталый и мрачный, он с горечью сказал: “Все, больше не могу, не могу!” В тот день Н.Н. Иноземцеву и его коллегам по рабочей группе вернули проекты доклада Генерального и резолюции съезда примерно следующего содержания: “А как этот тезис согласуется с положениями марксизма?” (М.А. Сулов); “Не отступаем ли мы здесь от социалистических принципов?” (А.А. Громыко); “Я бы посоветовал ближе к Ленину” (К.У. Черненко). Эти пометки-директивы – обязательны к исполнению. А до съезда остается два дня. Хорошо отработанный и понятный прием тогдашнего “коллективного” руководства: взамен предлагаемого варианта доклада съезду (поначалу в нем присутствовали и дух новаторства, и свежие мысли, и нестандартные подходы) –

⁶ В.А. Медведев, работавший в 1971–1978 гг. заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, вспоминает, что когда его привлекли к работе по подготовке доклада Брежнева на XXV съезде партии (1976 г.), то написанный им материал был передан для доработки в “группу Иноземцева”. “Все это, – пишет Медведев, – тщательно перемальвалось и переваривалось в предсъездовской кухне и приспособлялось к вкусу Брежнева главными спичмейкерами – Иноземцевым, Арбатовым, Александровым, Бовиным”. (См.: *Медведев В.* Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки. М., 1998. С. 52.)

⁷ Некоторое время, а точнее – с 29 апреля 1969 до 17 июня 1971 г. – В.А. Печенев работал в ИМЭМО, затем был командирован в Прагу, в редакцию журнала “Проблемы мира и социализма”, откуда в 1975 г. перешел на работу в ЦК КПСС.

⁸ *Печенев Вадим.* Горбачев: к вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М., 1991. С. 29–30.

получить в итоге привычный, приглаженный, на “родном партийном языке” и такой “понятный народу” документ.

Реакция Николая Николаевича на этот раз была особенно острой. Когда же я посоветовала: Да оставь ты эту каторжную работу, вернись в науку! Может быть, без вас, интеллектуалов, эта “старческая команда” скорее рухнет? Он решительно возразил: “Да пойми же, за страну обидно!”⁹.

Сколь ни трудным в этих условиях было положение Н.Н. Иноземцева и его единомышленников из группы советников, они делали все возможное и даже невозможное. Как правило, в установленный срок (даже если для этого оставалась одна лишь ночь) требуемый документ представлялся в Инстанцию, хотя издержки и компромиссы были здесь неизбежны.

Круг вопросов, которыми занимался Иноземцев в качестве советника Брежнева, был достаточно широким, включая как внешнеполитические, так и внутриэкономические проблемы.

Особое беспокойство у него вызывала печальная судьба разрядки, похороненной обоюдными стараниями Москвы и Вашингтона. Смысл его усилий в этом направлении сводился к тому, чтобы убедить Брежнева не прерывать переговорный процесс с вашингтонской администрацией, сколь бы неприятными не казались в Москве позиции демократа-моралиста Джими Картера и сменившего его правого республиканца Рональда Рейгана. Брежнева удалось склонить к заключению в 1979 г. Договора ОСВ-2, хотя международная и внутренняя обстановка, казалось бы, не благоприятствовала этому новому шагу на пути обуздания гонки стратегических вооружений.

Когда с приходом в Белый дом в конце 1980 г. республиканской администрации Рейгана позиция США в отношении СССР резко ужесточилась, директор ИМЭМО пытался объяснить высшему руководству, что причины такого поворота многообразны. Иноземцев усматривал их не только в афганской проблеме или в обострении политического кризиса в Польше¹⁰, но и в сфере поддержания

стратегического баланса между двумя сверхдержавами. При этом он опирался не только на собственные выводы, но и на соответствующие аналитические разработки своих сотрудников.

Одна из таких разработок была предоставлена ему Алексеем Арбатовым, тогда еще совсем молодым ученым, кандидатом наук, вернувшимся в середине декабря 1980 г. из двухмесячной научной командировки в США. В ходе этой поездки, совпавшей с президентскими выборами в США, Арбатов посетил 23 научных и университетских центра и провел встречи с 60 американскими экспертами в области внешней и оборонной политики, что позволило ему составить объективное представление о происходивших в Вашингтоне переменах.

Из аналитической записки А.Г. Арбатова:

“Как показали результаты выборов ноября 1980 г., в правящих кругах США и американской общественности произошел существенный сдвиг настроений вправо – в поддержку более консервативной внутренней политики и более агрессивной и жесткой внешней политики. <...>

В прошедшее десятилетие, особенно в первую его половину, происходило определенное снижение военного потенциала США не только в относительных, но и в абсолютных показателях. Между 1968 и 1976 г. военный бюджет США в постоянных ценах снизился на 35%. Причем, даже если сбросить экономию за счет прекращения войны во Вьетнаме, то бюджет 1976 г. на 13% ниже, чем в последний предвьетнамский 1964 г. Впервые в XX в. военный бюджет США после войны оказался меньше, чем до войны”¹¹.

А. Арбатов обратил внимание на то, что, по убеждению правых республиканцев, администрации Форда и Картера не удалось переломить тенденцию к ослаблению военного потенциала США.

“...В США, – подчеркивал автор записки, – глубоко укоренились представления о том, что в 70-е годы параллельно с сокращением военного бюджета и размеров вооруженных сил США шло планомерное наращивание военных расходов и сил Советского Союза. Считается, что эти тенденции пересеклись в начале 70-х годов, после чего военный баланс неуклонно изменялся в пользу СССР.

Общее мнение пришедших к власти в США кругов состоит в том, что в начале 80-х годов СССР будет якобы иметь существенные преимущества в стратегическом ракетно-ядерном балан-

⁹ Послесловие М. Максимовой к книге: *Иноземцев Николай. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник.* С. 313.

¹⁰ “Нисколько не преувеличивая роль советников, тем не менее, думаю, – говорит М.М. Максимова, – что Иноземцев, Арбатов, Богомолов и другие сыграли определенную роль в предотвращении нашего военного вмешательства в Польшу. Сознывая, чем это может для них кончиться, они писали откровенные записки с предостережениями относительно возможной реакции СССР на кризис в Польше. Предлагались варианты выхода из этого кризиса, но при этом военное решение оценивалось как наиболее нежелательное и чреватое серьезными осложнениями. Что касается Афганистана, то здесь все решалось очень быстро и в строжайшем секрете. К помощи советников здесь не прибегали. Все было поставлено перед свершившимся фактом”. (Запись беседы с М.М. Максимовой.)

¹¹ *Арбатов А.Г.* Некоторые соображения относительно причин и перспектив происходящих перемен во внешней политике США // Справки, аналитические записки, обзоры по проблемам мировой экономики и политики за 1981 г. Отдел международных отношений. Т. 2. Архив ИМЭМО РАН.

се, превосходство в ядерных средствах на евроазиатском театре и в войсках общего назначения. Соответственно утверждается, что Советский Союз будто бы создал позицию превосходящей силы по отношению к главным союзникам США (Западная Европа и Япония), может-де эффективно прервать поставки нефти из Персидского залива, приобрел способность военного вмешательства в отдаленных кризисных районах (Африка, Юго-Восточная Азия, Центральная Америка). <...>

В соответствии с этим новое руководство США полагает, что имеется будто бы некое двойное отставание Соединенных Штатов в военном балансе¹².

В записке А. Арбатова содержался ряд рекомендаций для высшего советского руководства, имевших целью убедить его в необходимости “держат дверь открытой” для конструктивных предложений американской стороны.

Из записки А. Арбатова:

«...не отвергать категорически требования о дополнительных ограничениях и сокращениях ракетно-ядерных сил СССР, а отвечать на них своими дополнительными запросами по ограничению вооружений США. Последнее, – писал Арбатов, – может быть особенно важно ввиду намечаемого в США рывка в наращивании военной мощи. <...>

Вероятно, не все военные программы, которые, видимо, форсирует и заложит новое правительство (США. – П.Ч.), требуют немедленных контрмероприятий. Обороноспособность СССР и военное равновесие имеют огромный “запас прочности”, а многие новые проекты США, не найдя оправдания в действиях другой стороны, наверняка отомрут в силу чрезмерной стоимости и малой стратегической целесообразности¹³.

В ИМЭМО внимательно следили за развитием новейших тенденций во внешней и оборонной политике администрации Рейгана, своевременно обеспечивая директивные инстанции соответствующими рекомендациями¹⁴.

И все же, несмотря на усилия приверженцев продолжения разрядки переломить негативную тенденцию в советско-американских отношениях, сделать этого не удавалось. Не в последнюю

очередь это было связано с усилением позиций “ястребов” в высшем руководстве СССР.

В стремлении переиграть США в гонке вооружений престарелые “ястребы” по давней привычке рассчитывали на помощь со стороны “мирового революционного движения” и, в частности, – антизападного течения, зародившегося на рубеже 70–80-х годов в исламском мире. Определенные надежды советские партийные идеологи и военные круги связывали с исламской революцией 1979 г. в Иране, свергнувшей проамериканский шахский режим. Ирано-американский конфликт, сопровождавшийся захватом посольства США в Тегеране и неудачной попыткой освобождения в апреле 1980 г. 70 заложников, породил в Москве иллюзии в отношении исламских фундаменталистов, которых руководство СССР готово было записать в потенциальные союзники в борьбе против “американского империализма”, словно забыв, что именно с исламистами-талибами приходилось воевать в Афганистане советским войскам.

Отрезвляющие предостережения на этот счет последовали в ЦК КПСС опять же из ИМЭМО. В подготовленной доктором исторических наук Г.И. Мирским в 1981 г. записке “Проблемы исламской революции” подчеркивалась одинаковая враждебность исламского фундаментализма как капитализму, то есть Западу, так и социализму, то есть СССР. «Их (исламистов. – П.Ч.) кредо, – писал в свое записке Мирский, – могло бы звучать, как у Шекспира: “Чума на оба ваши дома!”». Нет никаких оснований, утверждал автор записки, усматривать в политике аятоллы Хомейни “чуть не зародыш курса революционной демократии”, как пытались представить это некоторые советские пропагандисты¹⁵.

Постоянной “головной болью” Н.Н. Иноземцева, как одного из советников Брежнева, была проблема ускорения научно-технического прогресса в СССР. Располагая обширной и достоверной информацией о бурном развитии НТР в передовых странах Запада, Иноземцев, начиная с 1971 г., при всяком удобном случае обращал внимание генсека и других членов Политбюро на растущее отставание СССР в освоении достижений научно-технического прогресса и необходимости принятия комплекса неотложных мер по изменению ситуации на этом стратегически важном направлении. Иноземцев делал все возможное, чтобы убедить генсека в необходимости поставить этот вопрос на специальном пленуме ЦК. Ему удалось включить в одну из речей Брежнева совершенно четкое указание на возрастающую роль научно-технического прогресса, как одного из определя-

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Одна из разработок такого рода была представлена все тем же А.Г. Арбатовым, который обратил внимание руководства на ближайшие перспективы советско-американских отношений в области ограничения вооружений. (См.: Арбатов А.Г. О некоторых вероятных вопросах возобновления переговоров об ОСВ (Прогноз). 21 декабря 1981 г. Архив ИМЭМО РАН.)

¹⁵ Мирский Г. Проблемы исламской революции. Записка // Справки, аналитические записки, обзоры по проблемам мировой экономики и политики за 1981 г. Отдел экономики и политики развивающихся стран. Т. 2. Архив ИМЭМО РАН.

ющих условий успешного экономического и в целом общественного развития СССР.

В начале 70-х годов началась даже подготовительная работа по созыву пленума. «Несколько раз она, казалось бы, выходила на финишную прямую, но каждый раз пленум откладывался на неопределенное время, – вспоминает В.А. Медведев, секретарь ЦК и член горбачевского Политбюро, а в 70-е годы – замзав отдела пропаганды и ректор Академии общественных наук (АОН). – Причина, по моим наблюдениям, в том, что надо было поднимать очень глубокие пласты экономики, принимать далеко идущие решения. Брежневскому руководству это было просто не под силу»¹⁶.

Продолжая добиваться созыва пленума и навязывая себе тем самым новых недоброжелателей из среды партийных ретроградов, Иноземцев действовал и по другим каналам: он был одним из инициаторов разработки в системе АН СССР и ГКНТ Комплексной программы научно-технического прогресса, рассчитанной на двадцать лет. Разумеется, ИМЭМО стал одним из главных ее разработчиков.

Академику Иноземцеву не довелось увидеть осуществления его замысла: пленум ЦК по вопросам ускорения научно-технического прогресса так и не был созван, а подготовленные Иноземцевым и его сотрудниками из ИМЭМО рабочие материалы были списаны в партийный архив.

Весной 1984 г. М.С. Горбачев, тогда еще член Политбюро и секретарь ЦК КПСС, попытался убедить своих коллег по руководству, и прежде всего тогдашнего генсека К.У. Черненко, в необходимости вернуться к этой идее. Была даже создана специальная группа по подготовке пленума.

«Мы познакомились с двумя вариантами доклада – Иноземцева и отдела машиностроения ЦК, с целым мешком всевозможных разработок десятилетней давности, извлеченных из архива, – вспоминает М. Горбачев, – ...Я подумал: Боже мой, сколько времени потеряно, а в этот период многие страны проделали огромный путь, обеспечивший им динамичное развитие в последующие годы.

Но чем ближе мы были к Пленуму, тем острее я чувствовал стремление Черненко, Тихонова, Гришина, Громыко отложить его проведение – все они считали, что это будет усиливать мои позиции. Словом, были против Пленума и этого не скрывали»¹⁷.

В конечном счете «пожилые джентльмены», как называл брежневских соратников Дональд Маклэйн¹⁸, похоронили идею пленума. Частично

¹⁶ Медведев В. Указ. соч. С. 82–83.

¹⁷ Горбачев Михаил. Жизнь и реформы. Книга 1. М., 1995. С. 261.

¹⁸ Участник знаменитой «кембриджской пятерки», работавший впоследствии в ИМЭМО, о чем уже рассказывалось в предыдущих номерах.

она материализуется лишь в июне 1985 г., когда Горбачев, вставший у руля управления партией и страной, проведет в ЦК КПСС крупное совещание по вопросам ускорения научно-технического прогресса и выступит там с докладом «Коренной вопрос экономической политики партии». По всей видимости, в своем докладе Горбачев в той или иной мере опирался и на давние разработки академика Н.Н. Иноземцева, дополненные новыми материалами, полученными им из ИМЭМО.

В своих воспоминаниях Михаил Горбачев говорит и об участии Иноземцева в период подготовки XXVI съезда в разработке основ Продовольственной программы.

Из воспоминаний М.С. Горбачева:

«На февраль 1981 г. намечался созыв XXVI съезда КПСС. Работу над отчетным докладом Брежнева начали заблаговременно, и мне хотелось, чтобы в докладе было заявлено о необходимости общенациональной комплексной Продовольственной программы, обеспечивающей устойчивое снабжение населения продуктами питания. Если такое заявление Генеральный секретарь сделает на съезде, то чиновникам любого ранга «тянуть резину» и ставить палки в колеса будет уже куда труднее.

Я связался с группой Н.Н. Иноземцева, работавшей над докладом в Волынском-2, рядом с бывшей дачей Сталина. <...>

В его группе, которую курировал помощник Брежнева Цуканов, работали Арбатов и Бовин. Оказалось, впрочем, что аграрные проблемы и их допекли настолько, что к разговору были готовы буквально все.

Реализовал я, в частности, свое намерение сказать в докладе о разработке общенациональной комплексной Продовольственной программы. У меня это получилось на нескольких страницах. Арбатов сделал из них одну, и в таком виде она вошла в первоначальный текст.

Однако когда я получил уже смонтированный целиком проект доклада Брежнева, он весьма удивил меня. Бесконечные обкатки и согласования, которые приходилось делать его авторам, привели к тому, что текст стал безликим, выхолощенным, обтекаемым. Можно было лишь поразиться полному несоответствию затрат умственной энергии и масштаба авторских дарований со столь скудным «конечным продуктом».

Я сделал некоторые замечания по тексту доклада, а аграрный раздел изложил заново. Все то, к чему мы пришли в ходе дискуссий в группе Иноземцева, было восстановлено и использовано. Брежневу написал личную записку, в которой аргументировал необходимость такой структуры, объяснил мотивы переработки текста и просил

поддержать данный вариант. В таком виде раздел и был принят»¹⁹.

Когда еще при Брежневе М. Горбачев начал настойчиво продвигать идею агропромышленных комплексов (АПК), то и здесь он имел возможность опираться на соответствующие разработки Института Иноземцева, где с 60-х годов внимательно изучался зарубежный опыт повышения эффективности сельскохозяйственного производства и, в частности, деятельность аграрно-промышленного комплекса и аграрно-промышленных объединений (АПО) в США и Западной Европе²⁰.

Стремительное восхождение академика Н.Н. Иноземцева по ступеням научно-партийной иерархии (член ЦК КПСС, депутат ВС СССР, член Президиума АН СССР, один из ближайших советников Генерального секретаря), расширение его влияния на принятие важных государственных решений вызывало растущее беспокойство в консервативных кругах партийной бюрократии, видевшей в нем потенциального претендента на один из высоких постов в Центральном комитете. Для этих кругов не были секретом прогрессивные убеждения Иноземцева, и именно поэтому он расценивался ими как *persona non grata*.

На Иноземцева давно «имели зуб» близкие к Агитпропу «ревнителю устоев» и прочие борцы за «чистоту марксизма-ленинизма» из Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы. В их глазах возглавляемый Иноземцевым Институт мировой экономики и международных отношений давно имел репутацию «гнезда ревизионизма», из которого распространяется крамола.

И действительно, картина реального капитализма второй половины XX в., представавшая со страниц монографий и других исследований, выходявших под грифом ИМЭМО, не имела ничего общего с утвердившимися в официальной советской политэкономии еще со сталинских времен представлениями о «мире капитала». Большинство партийно-университетских политэкономов старой формации в штыки встретили подготовленный в ИМЭМО двухтомник «Политическая экономия современного монополистического капитализма», усмотрев в нем «ниспровержение основ».

¹⁹ Горбачев Михаил. Указ. соч. С. 199.

²⁰ Аграрная проблематика изучалась в ИМЭМО с момента создания Института. Еще в 1967 г. на имя А.Н. Косыгина была направлена развернутая записка (авторы – В.А. Мартынов, А.И. Тулупников, М.А. Меньшикова) с обоснованием идеи АПК на примере наиболее развитых стран Запада. Эта записка по решению Политбюро была разослана всем секретарям обкомов и крайкомов КПСС, но этим по существу дело и ограничилось. С 1975 г., по инициативе Н.Н. Иноземцева, в ИМЭМО были развернуты исследования мировой продовольственной проблемы. В Институте был накоплен богатый опыт в изучении того, как продовольственная проблема решается в передовых странах Запада и в развивающихся государствах Третьего мира.

Двухтомник они буквально предавали анафеме, и только присуждение его авторам Государственной премии СССР в 1977 г. приостановило нападки на «ревизионистов из ИМЭМО». Как вскоре выяснится, это была лишь вынужденная пауза в борьбе против Института Иноземцева.

А начиналась эта борьба еще в конце 60-х годов. Именно тогда, как свидетельствует академик В.А. Мартынов, «с легкой руки» профессуры АОН при ЦК КПСС и экономического факультета МГУ, появился хлесткий штамп – «ИМЭМО – центр ревизионизма».

Из воспоминаний академика В.А. Мартынова:

«Кампания с обвинениями ИМЭМО в ревизионизме была тогда поддержана определенными, но как всегда в таких случаях, безымянными сотрудниками отделов науки и пропаганды ЦК КПСС. И по прямому указанию такой высокой персоны в партийной иерархии – секретаря ЦК КПСС по идеологическим вопросам П.Н. Демичева – была создана комиссия РК КПСС с директивой «разобраться с ИМЭМО». Во главе комиссии был поставлен известный сталинист, бывший секретарь Калининградского обкома КПСС, а тогда ректор Финансово-экономического института Щербаков, воспринявший эту директиву, с одной стороны, как свидетельство того, что Н.Н. Иноземцев – «политический труп», с другой стороны, как поручение подготовить по ИМЭМО разгромное решение РК КПСС. Но П. Демичев и те анонимные люди, которые подвинули его на борьбу с крамолой в ИМЭМО, явно просчитались. Во-первых, генсек партии Л.И. Брежнев, как нам стало известно от его окружения, и «знать не знал» о намечаемой акции; во-вторых, Н.Н. Иноземцев не был к этому времени лишь бывшим зам. редактора «Правды». Его активное и плодотворное участие в качестве члена редакционной комиссии по подготовке политических документов Московских совещаний коммунистических и рабочих партий (в том числе и 1969 г.) было высоко оценено и руководством КПСС, да и признано рядом лидеров других, участвовавших в заседаниях партий; в-третьих, в Международном отделе ЦК КПСС, ответственном за проведение этих совещаний, восприняли готовившуюся атаку на Н.Н. Иноземцева как целенаправленное действие против отдела. Руководитель отдела, персона примерно того же ранга тогда, что и П. Демичев, кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК КПСС по международным вопросам Б.Н. Пономарев, уезжая, в частности, в отпуск, просил поставить его в известность о работе комиссии РК, заявив при этом, что в случае необходимости он возвратится в Москву и поставит вопрос о райкомовской комиссии на секретариате ЦК КПСС. И первый, кто испугался, был, естественно, П. Демичев, начисто отказавшийся от своих установочных слов. И опять-таки вполне в реалиях того

времени “внезапно” заболевают и 1-й секретарь РК (хозяйственник, только что избранный на этот пост) и, конечно, председатель комиссии Щербаков. Решение же РК КПСС по ИМЭМО было заново – от первой до последней строки – написано Н.Н. Иноземцевым (в присутствии 3-го секретаря РК и автора этой заметки)²¹.

Свидетельством устойчивости позиций Иноземцева и руководимого им Института явилось награждение ИМЭМО в феврале 1971 г. орденом Трудового Красного Знамени, а самого директора (в апреле того же года) – орденом Ленина. Демичев под благовидным предлогом избежал непосредственного участия в церемонии вручения ИМЭМО государственной награды, отправив на праздничный вечер в Московский Дом ученых одного из своих подчиненных, завотделом науки Трапезникова²².

В 1974 г. бывший выпускник Военной академии химической защиты Петр Нилович Демичев, трудившийся недолгое время управделами СМ СССР, а затем работавший 1-м секретарем МК КПСС, был заподозрен в симпатиях к “железному Шурику” и потерял пост секретаря ЦК КПСС по идеологии, который он занимал с 1961 г. Его назначили министром культуры СССР, сохранив за ним пост кандидата в члены Политбюро, что давало Демичеву возможность держаться “на плаву” еще долгое время. Тем не менее, с его уходом давление Агитпропа на ИМЭМО стало столь жестким и демонстративным. Непосредственный же контроль за Институтom по-прежнему осуществлял отдел науки и вузов ЦК КПСС, руководимый известным мракобесом С.П. Трапезниковым, сила которого заключалась в его давних и тесных связях с Брежневым. Трапезников не любил директора ИМЭМО, но вынужден был считаться с тем, что политически чуждый ему Иноземцев, пользуется расположением генсека. Поэтому до поры завотделом науки не демонстрировал своего неприязненного отношения к ИМЭМО.

В течение двух лет после снятия Демичева пост “рабочего” секретаря ЦК по идеологии оставался вакантным; его обязанности “по совместительству” выполнял сам главный идеолог брежневского режима М.А. Суслов. Наконец, в 1976 г. был найден нужный человек – Михаил Васильевич Зимянин, главный редактор “Правды” с 1965 г. Он и стал “вторым” секретарем ЦК КПСС по идеологии.

Новый идеологический начальник столь же неприязненно относился к Иноземцеву, как и Трапезников. Они были хорошо знакомы еще по совместной работе в “Правде” в 1965–1966 гг.

²¹Из воспоминаний академика В.А. Мартынова, любезно предоставленных в распоряжение автора.

²²Орден к знамени ИМЭМО прикрепил президент АН СССР академик М.В. Келдыш.

Уже тогда у убежденного консерватора сталинской формации, призванного в “Правду” искоренять либеральную “ересь” предыдущего шеф-редактора, А.М. Румянцева, возникли принципиальные разногласия с Иноземцевым, твердо стоявшим на позициях XX съезда партии.

В 1966 г. Иноземцев, назначенный директором ИМЭМО, ушел “из-под” Зимянина, но спустя десять лет вновь оказался “под ним”. Их давние разногласия обозначились с новой силой. Однажды, как вспоминает М.М. Максимова, Зимянин вызвал его к себе и начал отчитывать по поводу очередных выборов в Академию наук, куда опять избрали (имелось в виду Отделение экономики) “не тех, кого надо”, то есть не выдвинутых Агитпропа и отдела науки²³. Когда Иноземцев попытался возражать, Зимянин перешел на крик:

– ЦК заставит тебя слушаться и исполнять то, что я говорю! Ты еще у меня походишь!

– ЦК – это кто? Один Зимянин, что ли? Я не позволял на себя кричать на фронте и не позволю здесь. Не зарывайся! – ответил Н.Н. Иноземцев и вышел из кабинета²⁴.

Неприязнь Зимянина к Иноземцеву питалась не только идеологическими расхождениями с ним, но и сугубо личными мотивами. В возмужавшем авторитете и влиянии Иноземцева на Генерального секретаря Зимянин усматривал потенциальную угрозу лично для себя. Он вполне мог подозревать академика Иноземцева, образованность и кругозор которого не шли ни в какое сравнение с более чем скромным интеллектуальным багажом Михаила Васильевича, в намерениях занять его место – секретаря ЦК партии по идеологии. Правда, у Зимянина был такой мощный покровитель, как Суслов, “в епархию” которого предпочитал не вторгаться даже сам Леонид Ильич. Поэтому, пока был жив благоволивший к нему “серый кардинал” брежневского режима, опасения Зимянина в отношении Иноземцева, в действительности, не имели под собой оснований.

Более реальную угрозу в глазах Зимянина и других консерваторов со Старой площади Иноземцев представлял в качестве внешнеполитического и экономического советника Брежнева. Их раздражало и даже пугало влияние Иноземцева,

²³Можно вспомнить настойчивые попытки заведующего отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова избраться в действительные члены АН СССР. Все эти попытки встречали решительную оппозицию академического сообщества. “Членкор” Трапезников так и не стал академиком. Отвергались кандидатуры и других ставленников партийной номенклатуры.

²⁴Послесловие М. Максимова к книге: *Иноземцев Николай. Цена победы в той самой войне...* С. 314. Этот случай, по свидетельству академика В.А. Мартынова, имел место в 1981 г., когда на выборах при активной поддержке Иноземцева действительным членом АН СССР был избран А.Г. Милейковский, кандидатура которого не получила предварительного (и обязательного в то время) “одобрения” на Старой площади.

Арбатова и других “ревизионистов” на генсека. Не случайно агитпроповцы, по авторитетному свидетельству тогдашнего руководителя Группы консультантов отдела пропаганды В.А. Печенева, в своем кругу называли Н.Н. Иноземцева – “Кока-Кола”, с очевидным политическим смыслом переименовая его имя-отчество²⁵.

Близость Иноземцева к Брежневу и особенно его попытки оказывать влияние на генсека в решении внутриэкономических проблем нередко вызывали раздражение и в высоких правительственных сферах. А.Н. Косыгин, безусловно, ощущавший на себе недоброжелательство со стороны Брежнева, вряд ли мог симпатизировать его советнику Иноземцеву, хотя и вынужден был изучать направляемые в Совет Министров экономические разработки ИМЭМО.

«Иноземцев, – вспоминает М.М. Максимова, – часто бывал на совещаниях у Косыгина. С одной стороны, Косыгин принимал те прогнозы экономического развития, которые передавал ему Иноземцев. С другой – мог обрушиться с резкой критикой. На одном из совещаний, при обсуждении вопроса о государственных ценах на промышленные товары, которые выросли в стране к середине 70-х годов чуть ли не в два раза, Иноземцев сказал, что речь идет, по существу, об инфляции. “Вы что нам тут предлагаете эти буржуазные словечки”, – оборвал Иноземцева Косыгин»²⁶.

По свидетельству Максимовой, хорошие отношения у Иноземцева были с заместителем Косыгина, председателем Госплана СССР Н.К. Байбаковым, с которым они неоднократно отдыхали в одно и то же время в Кисловодске. Но даже при очень хороших личных отношениях бывший сталинский нарком²⁷ с трудом мог воспринимать те объективные данные (в том числе статистические), которые ему направлялись из ИМЭМО. Он мог, например, на полном серьезе потребовать изменить прогнозируемые ИМЭМО показатели ежегодных темпов роста капиталистической экономики на том лишь основании, что эти темпы превышают соответствующие запланированные на пятилетку показатели развития советской экономики. “У нас плановая социалистическая экономика, – горячился Байбаков. – Темпы роста нашей экономики заложены в пятилетку, а вы тут говорите, что у них будет 3%, а у нас что – 2,6% ..? Измените их показатели! У нас уже все точно написано, значит, это вы ошиблись в расчетах”²⁸.

²⁵ Это, как пишет Печенев, “отражало очевидно не только схожее звучание его (Иноземцева. – П.Ч.) имени-отчества, но и проамериканскую, по мнению аппаратчиков, ориентацию в политике”. (См.: Печенев Вадим. Указ. соч. С. 31.)

²⁶ Запись беседы с М.М. Максимовой.

²⁷ С 1944 до 1955 г. Н.К. Байбаков был наркомом (министром) нефтяной промышленности СССР.

²⁸ Запись беседы с М.М. Максимовой.

Непосредственным начальником Иноземцева по академической линии был Петр Николаевич Федосеев, вице-президент АН СССР, курировавший общественные науки. В последние годы жизни Сталина он руководил журналом “Большевик”, затем – Институтом философии, считаясь в официальной партийной науке авторитетом в области исторического материализма и критики современной “буржуазной” философии и социологии. С 1961 г. Федосеев постоянно входил в состав ЦК КПСС, где играл видную роль в формировании партийных идеологических установок. Некоторые считали его неисправимым догматиком и сталинистом, забывая (или не зная), что в начале 50-х годов он публично подвергся жесткой идеологической проработке и даже был снят с поста главного редактора партийного журнала “Большевик”. С конца 60-х годов, когда заметно оживились неосталинисты, Федосеев, как и Пономарев, не примкнул к их рядам. Федосеев не был лишен таких качеств, как отзывчивость и человечность. Он всегда хорошо и по-доброму относился к Иноземцеву, хотя и не был в полном смысле слова его единомышленником. Как вице-президент АН СССР, П.Н. Федосеев неоднократно защищал ИМЭМО от нападок “ревнителers устоев”.

К числу единомышленников Иноземцева, безусловно, принадлежали просвещенные представители Международного отдела ЦК КПСС (В.В. Загладин, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров и др.)²⁹ и часть (тоже просвещенная) хозяйственной элиты, сознававшая давно назревшую необходимость реформ. Зато в большинстве других отделов Центрального комитета и, прежде всего в Агитпропе и в отделе науки, он имел множество недругов. Следует признать, что позиции Иноземцева в высших эшелонах власти не были столь прочными, как могло тогда казаться. В решающей степени его положение определялось благоволением к нему самого Брежнева и расположением отдельных членов Политбюро и секретариата ЦК КПСС (с большей долей уверенности к ним можно было отнести М.С. Горбачева и Б.Н. Пономарева³⁰, с меньшей – Ю.В. Андропова...)

В целом же соотношение между друзьями и недругами академика Н.Н. Иноземцева в окружении Брежнева и в партийной номенклатуре было не в пользу первых. В сущности, Иноземцев, как и Арбатов, как и другие немногие представители

²⁹ Следует отметить, что в Международном отделе ЦК были представлены не только прогрессивно мыслящие, но и консервативно-реакционные деятели, такие, например, как Р. Ульяновский, один из заместителей Пономарева. И все же, там они были в явном меньшинстве.

³⁰ у Иноземцева всегда были хорошие отношения с Пономаревым. Вместе с тем нельзя полностью исключать того, что семидесятипятилетний руководитель Международного отдела ЦК мог усматривать в более молодом и энергичном Иноземцеве возможного претендента на его место.

гуманитарной научной интеллигенции в Центральном комитете КПСС, были там “чужими среди своих”. Именно как к чужакам к ним и относилась партноменклатура.

Вряд ли прогрессист Иноземцев вызывал симпатии у консервативно настроенных секретарей республиканских, краевых и областных комитетов партии, а также у престарелых министров, которые составляли подавляющее большинство в Центральном комитете. Это хорошо иллюстрирует эпизод, связанный с выступлением Н.Н. Иноземцева на одном из пленумов ЦК во второй половине 70-х годов.

Из воспоминаний академика Е.М. Примакова:

«Помню, как еще во времена Брежнева, Иноземцев пригласил меня к себе поужинать. Он был явно взволнован. Сказал, что впервые предложили ему, тогда кандидату в члены ЦК КПСС, выступить на пленуме Центрального Комитета. “Не будьте “белой вороной”, напишите текст”, – посоветовал я Ник Нику³¹. “Не могу, буду выступать без бумажки”.

Я оказался прав – уже одно это вызвало неудовольствие многих присутствовавших в зале. Еще больше покорило содержание выступления. Иноземцев возразил против монополии на внешнюю торговлю даже не государства, а, как он справедливо сказал, Министерства внешней торговли СССР. Кроме этого, Иноземцев говорил о необходимости целенаправленной работы для обеспечения наилучших результатов на прорывных направлениях научно-технического прогресса. И все бы ничего, но академик Иноземцев привел в пример капиталистическую Японию, которая концентрировала средства через Министерство промышленности и торговли, чтобы помочь частному бизнесу вырваться вперед в производстве компьютеров. После успешного освоения этих средств и выхода на показатели нового поколения компьютерной техники компании снова “разбежались” по своим “квартирам” и продолжили конкуренцию за рынки.

Николай Николаевич был очень удручен, когда ему передали реплику одного из руководителей, сказавшего в своем “кругу”: “Вы разве не видите, он нас пытается поучать!” А бессменный помощник нескольких генеральных секретарей, безусловно, очень остроумный, едкий человек, А.М. Александров-Агентов сказал Иноземцеву: “Николай Николаевич, после вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: ли-

бо нужно выводить из ЦК интеллигентов, либо делать ЦК интеллигентным”³².

Развивая шутку Александрова-Агентова, можно с уверенностью утверждать, что в условиях брежневского застоя второй из предложенных им вариантов был абсолютно недостижим. Остался первый вариант – если и не “выводить интеллигентов из ЦК”, то в любом случае поставить заслон их влиянию на высшее руководство и восхождению по ступеням партийной иерархии. После того как в феврале 1981 г. на XXVI съезде Иноземцев стал полноценным членом ЦК КПСС, его противники активизировались. Катализатором этой активности стали ожидания предстоящих в самом скором времени важных перемен в высшем партийном руководстве. Брежнев, все это видели, доживает последние месяцы, а, быть может, и дни...

Кто придет ему на смену? Кто войдет в команду нового генсека? Это были поистине мучительные вопросы для партноменклатуры.

«Наверху была определенная группа людей, которая не хотела прихода туда Николая Николаевича..., – говорит М.М. Максимова. – Надо сказать, что ему неоднократно предлагали разные высокие посты в ЦК, и каждый раз он говорил “нет” или ставил условие – сохранение за ним поста директора Института, чего в то время ему позволить не могли. Как это так – секретарь ЦК и одновременно – директор ИМЭМО!.. Я думаю, что именно нежелание видеть Иноземцева в числе тех, кто будет определять политику нашей страны, и сыграло свою роль в начатой против него провокационной кампании»³³.

Мнение вдовы Н.Н. Иноземцева разделяет авторитетный российский политолог И.М. Бунин, в 70-е – начале 80-х годов работавший в ИМЭМО. “В случае смены руководства, то есть после смерти Брежнева, Иноземцев рассматривался как один из кандидатов на достаточно важный пост в ЦК, против чего выступал идеологический отдел. Игра велась персонально против Иноземцева,” – утверждает Бунин³⁴.

Продолжение следует

³¹Так называли Иноземцева между собой его друзья и ближайшие сотрудники. – П.Ч.

³² *Примаков Евгений*. Годы в большой политике. М., 1999. С. 27–28. Вдова Иноземцева подтверждает этот случай, хотя и отрицает, что ее муж вернулся с пленума в удрученном состоянии. «Помню, – говорит она, – что Николай вернулся в хорошем настроении и долго смеялся, вспоминая, как участники пленума “вставали на цыпочки”, пытались рассматреть, читает Иноземцев текст по бумажке или нет». (Запись беседы с М.М. Максимовой.)

³³ Там же.

³⁴ Запись беседы с И.М. Буниным 21 августа 2003 г.